

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-1-41

УДК 130.2+316.77

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Фадеева И.Е.

Статья посвящена культурно-антропологическим аспектам современной социальности. Автор приходит к выводу, что ситуация «смерти адресата», повторяющаяся на уровне массовой культуры ситуацию «смерти субъекта», становится особенно значимой в эпоху дигитализации и формирования сетевой социальности. Парадокс экзистенциального и коммуникативного становится новым вызовом нашего времени, угрожая деперсонализацией индивидуального сознания. Выход из этого противоречия автор видит в интеллектуализации коммуникативного пространства.

Ключевые слова: *экзистенция; социальность; коммуникативные практики; сетевая социальность; экзистенциальная рефлексия; современная антропология; адресат; дигитализация.*

THE SOCIAL AND CULTURAL SPACE IN THE LIGHT OF MODERN ANTHROPOLOGY

Fadeeva I.E.

This article is devoted to cultural and anthropological aspects of modern sociality. The author concludes that «the death of addressee» repeats situation of «death of the subject» at the level of the mass culture and this fact becomes increasingly important at the era of digitalization and forming the network sociality. The paradox between the existential reflection and communicative practices becomes the new challenges of our time, leading to depersonalization of the individual consciousness. The way out of this contradiction is the intellectualization of the communication space.

Keywords: *existence; sociality; communication practices; network sociality; existential reflection; modern anthropology; addressee; digitalization.*

Введение в проблему

Очевидные изменения социального и культурного пространства определяют сегодня актуальность не только исследований общественных механизмов и институтов, но исследований в области социальной и культурной антропологии, направленных на выявление когнитивных и персонологических черт современного человека, которые и формируют социокультурное пространство, и одновременно формируются им. Проблематика статьи связана с выявлением характеристик современного человека в двойной перспективе – его социального бытия и экзистенциального опыта.

Социальность и экзистенция

Трансформации социальности, ставшие предметом активных обсуждений во второй половине XX века и представленные работами Э. Баумана, Ж. Бодрийяра, М. Маффесоли, Б. Латура, М. Кастельса, Б. Уэллмана и других, фиксируют факт исчезновения прежних форм социальности: атомизированный человек в ситуации индивидуализированного общества, переживающего конец социального, но в то же время формирующего новые формы сетевой социальности, представляет собой поле взаимодействия противоположных тенденций. С одной стороны, наблюдаемые изменения в информационном пространстве определяют доминирование коммуникативных практик, формируя тот тип рациональности, который Ю. Хабермас назвал коммуникативной. С другой стороны, если внимательно всмотреться в информационные контенты, циркулирующие в массмедиа, в социальных сетях или в маркетинговых коммуникациях, становится понятным, что обилие источников отнюдь не симметрично количеству смыслов: современные культурные индустрии направлены на трансформацию индивидуальных смыслов в социально легитимированные значения, когнитивно разнообразных практик экзистенциально и персонологически ориентированной культуры – в усредненное поле общих значений.

Говоря о системе интеллектуальных, художественных и социальных практик, следует отметить единое, как нам представляется, их основание. Это *экзистенциальная рефлексия* как основа производства новых смыслов и, в конечном счете, культурогенеза. Но именно сфера экзистенциального претерпевает сегодня очевидные изменения. Сложность ситуации заключается в радикальной несовместимости человека и коммуникативного пространства, не позволяющего индивидуальному сознанию реализовать возможность самотрансценденции. Ускоряющийся темп жизни, погруженность индивида в деловые и профессиональные коммуникации, многомерность деловой информации, заставляющей сознание одновременно решать множество профессиональных интеллектуальных задач, – все это часто лишает индивида ког-

нитивной и часто личностной свободы. Аутокоммуникация и аутопойесис все более вытесняются социально-сетевыми коммуникативными практиками, приводя к тому, что И.Т. Касавин определил как «захваченность человека социумом», которая, как утверждает Касавин, не предлагает индивиду «ничего иного, кроме как видеть себя через призму другого» [5, с. 49]. Нужно добавить, что выдвинутая в течение XX столетия идея самообоснования «я» в диалоге с «ты» обнаруживает свою неоднозначность по отношению к коммуникативным практикам начала XXI века: переполненность коммуникантами современного социокультурного поля выталкивает трансцендирование собственного «я» в «я» другого как акта «встречи с ты» (используя выражение С.Л. Франка [17]) в пространство обезличенной коммуникации – *социальное поглощает персонологическое*. В результате создается парадоксальная ситуация: коммуникативность оказывается путем к ее же собственному разрушению – коммуникация, ставшая основанием социальности, разрушает социальность как таковую, поскольку, растворяясь в видении себя извне, индивид теряет возможность фокусирования взгляда из глубин себя-внутреннего.

Конечно, в идеале, диалог как форма культурного обмена с современниками и предками, как и внешнее общение, может стать самосознанием, как утверждает Касавин, то есть диалогом с самим собой. На самом деле ситуация представляется диаметрально противоположной. Источником символического обмена в его различных формах является исключительно внутренний – экзистенциальный опыт индивида, являющийся путем к трансцендированию индивидуального «я» как единственной формы приращения смысла и как сферы экзистенциального – причем опыт, постоянно вступающий в противоречие с социально признанными значениями. Но «... Я есмь экзистенция, – утверждает К. Ясперс, – лишь заодно со знанием о трансценденции как той силе, благодаря которой я собственно и есмь как самость» [20, с. 54]. Такое трансцендирование может стать актом «встречи» с другим «я» (притом, как справедливо утверждает С.Л. Франк, вторя М.М. Бахтину, встречи, когда «когда я возникаю в качестве «я» – одновременно с «ты»» [17]), и тогда, действительно, происходит конституирование «я» как точки сосредоточения экзистенциального опыта: «трансцендирование «во-вне»» становится «трансцендированием «во-внутри»» [17]. Однако поглощающая индивидуальное сознание социальность все более уводит индивида от акта «встречи»; обезличенность коммуникации, внешне проявляясь как гипертрофия социальности (гиперсоциальность или гиперкоммуникативность), становится ее разрушением, не давая индивидуальному сознанию возможности трансцендирования. Особенно наглядно это происходит в тех процессах, которые М. Маффесоли обозначил как «эстезис» – унисонные действия толпы, соединенной единым этико-эстетическим порывом, приходящие на смену традиционным формам солидарности (см. [9]).

Современный семиозис, лишенный социально регламентирующих трансцендентных оснований (которые ранее обуславливались наличием религиозной трансценденции), становится броуновским движением случайных экзистенциальных импульсов отдельных творческих личностей. Причем, если в трагический период середины XX века пограничная ситуация как основание экзистенциального опыта оказывалась реальностью для миллионов, то сегодня, в относительно благополучном мире, культура, если следовать этой логике, встает перед дилеммой, принимающей характер антиномии. С одной стороны, это утрата смысла и «конец истории» – или, с другой, целенаправленное производство пограничности (что, как следствие, не может не привести к полной дегуманизации социосферы). С одной стороны, в основании семиозиса (культурогебеза) находится индивид в экзистенциальной пограничной ситуации, трансцендирующий свое «я» в «иное» – переживающий свою трансграничность с *иным*, но в то же время, с другой стороны, искусственное производство пограничности оборачивается аксиологической деструкцией.

Бегство от экзистенции с ее постоянно звучащим императивом трансценденцирования «я» в иное (а тем самым – производства пограничности) наглядно проявляется в современной социокультуре в виде доминирования комического, причем в его наиболее архаичной – телесно-низовой форме, толкающей унифицированного «овнешненного» человека к спонтанным психофизиологическим реакциям в виде хохота. В этом смысле показательным является один из наиболее характерных приемов современного масскульта – закадровый смех, изобретенный Ч.Р. Дугласом в 50-е годы XX века для подмены реакции реального телевизионного зрителя – реакцией зрителя «внутри» телевизионной программы. Вымывание личностного и когнитивного аспекта из сферы комизма делает закадровый смех эрзацем символического обмена: фактически присутствие зрителя становится необязательным моментом в процессе (квази)художественной коммуникации, адресатом комического message становится его адресант. По видимости противоположную – а по сути ту же самую – феноменологию представляет эксплуатация ужасного, как бы демпфирующего экзистенциальные состояния заботы, тревоги или «бытия-к-смерти» посредством ужасных или нарочито кровавых сцен и сюжетов, где смерть предстает не в качестве экзистенциального события, проецируемого в процессе восприятия на «я» адресата, но в качестве одного из сюжетных ходов, одной из «функций» инвариантного сюжета. Не менее показательная феноменология обнаруживается сегодня и при анализе такого универсального экзистенциала, как любовь (в масскульте легко подменяемая гламурными или, напротив, откровенными сценами). Экзистенциальная природа любви, не ставшая предметом собственно экзистенциальной философии М. Хайдеггера (об этом см. [11, с. 107-114]), прак-

тически не присутствует в коммуникативном поле современности и в направленных на его рецепцию герменевтико-антропологических практиках.

Именно на этом витке информационной и когнитивной циркуляции возникает феноменология *смерти адресата*, порождаемая вовсе не в результате постулируемой Р. Бартом смерти автора, как раз и предполагающей вовлечение адресата в информационные процессы, но в результате встречного течения в пространстве семиосферы: обрыва бесконечного Письма. Причем современная реальность дает тому множество примеров: начиная с безадресности СМИ или бессмысленности бюрократического «документооборота» и заканчивая различными вариантами караоке, или персонологической неадресованности хохота (в том числе закадрового смеха) и ужаса. Парадокс экзистенциального и социального (коммуникативного) все больше смещает акценты в сторону социального, тем самым парадоксально это социальное разрушая.

Результатом становятся наблюдаемые сегодня процессы – кризис социальности, невозможность адекватной коммуникации и как следствие – проблематичность формирования и функционирования гражданских институтов. При этом нелишне отметить, что, начиная с А.Л. Кребера и Т. Парсонса очевидно, что собственно «социальные факты не являются специфически человеческими» [19, с. 214], речь должна идти скорее о солидарности. И именно сегодня следует задаться вопросом о том, что может стать основанием новой солидарности (при очевидной сегодня деструкции тех ее форм, которые были обоснованы классической социологией Э. Дюркгейма, – механической и органической).

Экзистенциальная рефлексия и сетевая социальность

Рассматривая понятие «бесконечной рефлексии» на примере философии И.Г. Фихте, С. Кьеркегора и Ф. Ницше, К. Ясперс утверждает: рефлексия («бесконечная рефлексия») – «условие подлинной экзистенции» [20, с. 20]. В бесконечной рефлексии осуществляется перевод «темной основы самобытия» в коммуникативные формы социального, всегда оставляя, однако, ощутимый зазор между экзистенциальным смыслом и коммуникативным значением. При этом современная социокультура и культурные индустрии, поглощающее традиционные художественные практики, все более смещают акценты в сторону общих значений, не оставляя места для экзистенциально-персонологически порождаемых смыслов. Замена традиционных типов коммуникации и социальности сетевыми формами становится основанием изменений самообоснования индивида. А.В. Назарчук пишет: «как у всякой сети, основное свойство коммуникационной сети – многоканальность ... Если какое-то звено выпадает из сети, коммуникация легко находит другие пути, альтернативные цепочки коммуникационных звеньев» [12,

с. 63]. Можно предположить, что «сетевой индивидуализм» (Б. Уэллман [21]) меняет не только формы социальных взаимодействий, но прежде всего экзистенциальный опыт индивида: интеллектуализация социальной сферы, появление «информационной экономики» [6], представление о человеке как о «факторе труда» или о «самопрограммирующейся рабочей силе» приводят к растворению индивидуального – в сетевом.

Вместе с тем социальность, формируемая на основании базовых ценностей, к которым Г.Л. Тульчинский относит безопасность, свободу и их «теневую» сторону – ресентимент, институализируемый в формах идеологий как справедливость или права человека [14, с. 8], к которому можно добавить и характерный для современной культуры «нарциссизм» как базовую характеристику идентичности [13], изначально «заражена» внутренним парадоксом, возможностью ее распада. Противоречие между сетевой социальностью и ресентиментностью («нарциссизмом») индивида представляется онтологической характеристикой современного социума.

Процесс интеллектуализации коммуникативной сферы (в той мере, в которой она не подверглась разрушительному действию инверсионных маскультных практик) представляется однозначно связанным с тотальной дигитализацией информационного пространства, следствием которой становится формирование новых типов социальности – сетевой [1], [6], [7], [8], причем именно в сетевой форме возникает возможность и необходимость возвращения адресата, хотя и в новой, не вполне совпадающей с традиционной, форме. Говоря об измененной в современном информационном обществе коммуникации, А.Н. Фортунатов пишет: «процесс коммуникации с окружающим миром, осмысленной коммуникации, информационного взаимодействия, перестает всецело зависеть от воли мыслящей личности, энергетика этого процесса начинает черпать ресурсы уже не внутри субъекта, а в информационном пространстве, возникающем между личностью и «умным» гаджетом...» [16, с. 244]. В результате «современная коммуникация, как технология информационного взаимодействия, энергично эксплуатирует душевный вакуум, одиночество, отсутствие прочных межличностных связей у современных индивидов» [16, с. 244]. Из этого вытекает несколько следствий, причем не только касающихся, как полагает Фортунатов, «ухода от прессинга» бюрократических структур или производственных обязательств. Во-первых, все более четко вырисовывается проблема «дебиологизации» и «деантропологизации» человека [2], или феноменология «постчеловеческой персонологии» [15]. И во-вторых, что на наш взгляд, еще более важно, само современное информационное взаимодействие фактически создает ситуацию пограничности, буквально вбрасывая индивида в обезличенное Интернет-пространство. М. Кастельс отмечает, что для

современного общества характерно «биполярное противостояние сети и «я»», противостояние между полной индивидуализацией поведения и бессилием перед социальностью [6, с. 3-4].

В то же время интернет-коммуникация усиливают общую интеллектуальную рефлексивность индивидуального сознания коммуникантов в силу своей отсроченности, дистанционности, соединяя стилистику устной речи с коммуникативными практиками речи письменной. Онтологическое отличие устной и письменной речи, о котором говорит, например, Ж. Деррида (см. [3, с. 167]), заключается в принципиально иной – экзистенциально-рефлексивной природе письма как формы самотрансцендирования «я». С этим связан наблюдаемый исследователями факт усиления метаязыковой рефлексии коммуникантов в пространстве Интернет. Утверждая, в частности, что Интернет продолжает общее развитие информационно-семиотических процессов и коммуникативных тенденций, Н.Б. Мечковская отмечает развитие гипертекстовых и интертекстуальных характеристик текстов [10, с. 184]. В результате «захваченность человека социумом» становится захваченностью информационным пространством, диалог с иным «я» – диалогом с культурным гипертекстом.

Говоря об антропологических и социальных проекциях сетевых взаимодействий, следует отметить особенность Рунета как их русского варианта. Прежде всего, именно для России характерно появление «новых лузеров», «вынесенных за скобки информационно-коммуникативного сообщества», поскольку «современный мир принадлежит так называемым «нетократам»» [18]. В частности, по данным ВЦИОМ (опрос проводился 4-5 октября 2014 года), интернетом пользуются 66% граждан России старше 18 лет, а ежедневно выходят в Сеть 46% взрослых россиян [4]. Важно и то, что, в отличие от мировой паутины, Рунет активно эксплуатирует анонимность коммуникации, проявляющуюся в использовании ников и аватаров, позволяющих создать множественные аналоги реального индивидуума, становящиеся способами трансценденции реального «я» (и в этом смысле – парадоксальным проявлением некой проектируемой индивидом самости), с одной стороны, но с другой – размывающие «я» в пространстве абсолютной свободы и отказа от любой идентичности. Но именно для России, по количеству пользователей по данным на 2012 год вышедшей на первое место в Европе и для которой характерен быстрый рост аудитории интернета [4], экзистенциальная составляющая интернет-коммуникации представляется наиболее значимой. Самопроектирование своего «я» в условиях минимализации социальных лифтов и затрудненности собственно интеллектуальной коммуникации (при практическом отсутствии интеллектоемких производств, недостаточности приборной базы в естественнонаучной сфере, прерывистости русской философской и гуманитарной традиции), а также ментальных и психологических следов тоталитарного прес-

синга оказывается перенесенным в сферу виртуального. Компенсаторное проектирование своего «я» и замещение им реального – свойство не только массовой культуры, но и современного российского интернет-сообщества.

Заключение

Анализ наблюдаемых в современной социокультуре процессов позволяет прийти к некоторым выводам – весьма предварительным, в силу незавершенности, не окончательной проявленности этих процессов.

Ситуация «смерти адресата», повторяя и удваивая на уровне масскульта и социально-коммуникативной сферы ситуацию постулированной ранее смерти субъекта и/или его децентрации, оказывается особенно значимой в эпоху тотальной дигитализации и формирования сетевой социальности. Парадокс экзистенциального и коммуникативного, всегда являвшийся побуждением к трансцендированию «я» и тем самым к смысло- и формопорождению, в условиях масскульта, с одной стороны, и гиперсоциальности Интернет-пространства, с другой, становится новым вызовом нашего времени, угрожая окончательным овнешнением и деперсонализацией индивидуального сознания и превращением человека в функциональный придаток машины. Условием преодоления антропологического и, соответственно коммуникативного и семиотического кризиса может стать интеллектуализация коммуникативного пространства и увеличение степеней индивидуальной свободы для отдельного человека. Вместе с тем можно говорить и об измененном характере коммуникации: на место диалога «я» и «ты» как форме трансцендирования «я» приходит диалог с сетевым интеллектуальным и информационным полем, с текстами культуры как с совокупной «личностью»; индивидуальное сознание оказывается вовлеченным в стремительно расширяющийся гипертекст культуры.

Список литературы

1. Barney D. The Network society. – Cambridge: Polity, 2004. 198 p.
2. Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009, № 3. С. 19-31.
3. Деррида Ж. О грамматиологии. – М.: Ad Marginem, 2000.
4. Интернет в России и в мире. URL: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151 (дата обращения 14.01.2015).
5. Касавин И.Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопросы философии, 2013, № 6. С. 46-57.

6. Castells M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. Second edition with a new preface. Wiley-Blackwell, 2009. 656 p.
7. Latour B. On interobjectivity // Mind, Culture and Activity. 1996. Vol. 3.14. Pp. 228-245.
8. Латур Б. Пересборка социального: введение акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
9. Maffesoli M. The ethics of aesthetics. Theory, Culture & Society, 1991, no. 8. Pp. 7-20.
10. Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета // Русский язык в научном освещении. – М., 2006, № 2 (12). С. 165-185.
11. Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арент: бытие, время, любовь. – М.: Академический проект, Гаудеамус, 2013. 526 с.
12. Назарчук А.В. Сетевое сообщество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008, № 7. С. 61-73.
13. Сохань И.В. Нарцисс – приоритетная модель идентичности в массовом обществе // Человек. Культура. Образование. 2012, № 1(3). С. 35-46.
14. Тульчинский Г.Л. Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре // Человек. Культура. Образование. 2011, № 2. С. 5-14.
15. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. – СПб.: Алетейя, 2002. 680 с.
16. Фортунатов А.Н. Ответственность и достоинство личности в эпоху «новых медиа» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013, № 4(2). С. 243-245.
17. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. – М.: Правда, 1990. С. 183-559. URL: <http://www.vehi.net/frank/nepost/06.html> (Дата обращения 14.01.2015).
18. Черникова И.В., Середкина Е.В. Феномен «сетевого общества» с позиций постнеклассической науки (к вопросу о влиянии интернета на сознание и поведение молодежи) // Материалы Connect-universum 2012. URL: http://connect-universum.com/blog/connectuniversum2012_ru/121.html (дата обращения 14.01.2015).
19. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.
20. Ясперс К. Разум и экзистенция. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.
21. Wellman B. Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 25.2, June 2001): 227-252.

Reference

1. Barney D. *The Network society*. – Cambridge: Polity, 2004. 198 p.
2. Gurevich P.S. *Voprosy filosofii* [Problem of Philosophy], no. 3 (2009): 19-31.
3. Derrida Zh. *O grammatologii*. – Moscow: Ad Marginem, 2000.
4. Internet v Rossii i v mire. http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151
5. Kasavin I.T. *Voprosy filosofii* [Problem of Philosophy], no. 6 (2013): 46-57.
6. Castells M. *The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I. Second edition with a new preface. Wiley-Blackwell, 2009. 656 p.
7. Latour B. *Mind, Culture and Activity*. Vol. 3.14 (1996): 228-245.
8. Latur B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie aktorno-setevuyu teoriyu*. – Moscow: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2014. 384 p.
9. Maffesoli M. *Theory, Culture & Society*, no. 8 (1991): 7-20.
10. Mechkovskaya N.B. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in the scientific coverage], no. 2 (12) (2006): 165-185.
11. Motroshilova N.V. *Martin Khaydegger i Khanna Arendt: bytie, vremya, lyubov'*. – Moscow: Akademicheskii proekt, Gaudeamus, 2013. 526 p.
12. Nazarchuk A.V. *Voprosy filosofii* [Problem of Philosophy], no. 7 (2008): 61-73.
13. Sokhan' I.V. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [People. Culture. Education], no. 1(3) (2012): 35-46.
14. Tul'chinskiy G.L. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [People. Culture. Education], no. 2(2) (2011): 5-14.
15. Tul'chinskiy G.L. *Postchelovecheskaya personologiya. Novye perspektivy svobody i ratsional'nosti*. – Saint Petersburg: Aleteyya, 2002. 680 p.
16. Fortunatov A.N. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], no. 4(2) (2013): 243-245.
17. Frank S.L. *Sochineniya*. – Moscow: Pravda, 1990. Pp. 183-559. <http://www.vehi.net/frank/nextpost/06.html>
18. Chernikova I.V., Seredkina E.V. *Materialy Connect-universum 2012*. http://connect-universum.com/blog/connectuniversum2012_ru/121.html
19. Sheffer Zh.-M. *Konets chelovecheskoy isklyuchitel'nosti*. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
20. Yaspers K. *Razum i ekzistentsiya*. – Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2013. 336 p.

21. Wellman B. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 25/2 (June 2001): 227-252.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Фадеева Ирина Евгеньевна, доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии и педагогической антропологии

Сыктывкарский государственный университет

ул. Коммунистическая, 55, г. Сыктывкар, 167000, Россия

E-mail: iefadeeva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Fadeeva Irina Evgenevna, Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of Culturology and pedagogical anthropology

Syktvykar State University

Oktyabrsky prospect, 55, Syktvykar; 167001, Russia

E-mail: iefadeeva@mail.ru

Рецензент:

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, Директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН